

№ 2
"Волынь". 1899, 28 августа, № 100,
с. 2-3. (Житомир)

Изъ текущей журналистики.

«Поэзия и правда міровой любви» г. Ив. Иванова, «Миръ Божій»—(іюль и августъ).

Бываютъ и люди и писатели, не только полезные по характеру своей дѣятельности, но и талантливые и весьма симпатичные, обладающіе тѣмъ не менѣе однимъ безразличнымъ недостаткомъ: они черезчуръ стараются убѣждать другихъ въ справедливости своихъ мнѣній, затрачиваютъ на это массу лишнихъ словъ и именно поэтому достигаютъ иногда обратнаго результата, несмотря на всю свою правоту. Въ человѣкѣ есть что-то протестующее противъ всякаго насилія надъ его мыслью, и нерѣдко даже важныя истины утрачиваютъ для него свою цѣну, если онѣ съ чрезмѣрной настойчивостью вѣдряются въ него другимъ человѣкомъ.

Быть можетъ, у насъ теперь нѣтъ литературнаго критика, болѣе признаннаго къ этой роли, нежели г. Ив. Ивановъ. При здоровомъ и гуманномъ общемъ міровоззрѣніи, одинаково чуждомъ и расплывчатому мистицизму и мѣщанской положительности, при громадной начитанности, а въ нѣкоторыхъ областяхъ и солидной эрудиціи, онъ, помимо несомнѣннаго литературнаго дарованія, болѣею частью обнаруживаетъ еще самое драгоценное для критика свойство—вѣрное художественное чутье, оберегающее его отъ искушенія легковѣрной моды. Тѣмъ общіе замѣчать у такого писателя присутствие того недостатка, о которомъ сказано выше. Досадно думать, что выйдутъ читатели, на которыхъ стремительная возбужденность тона въ статьяхъ г. Иванова и его склонность увлекаться частностями для того, чтобы указать на подробности его взглядовъ не была какъ-нибудь пренебрежена читателями, могутъ подѣйствовать отрицательнымъ образомъ и помѣшать надлежащему усвоенію многаго цѣннаго въ его критическихъ работахъ. Г. Ивановъ—не просто убѣжденный писатель, но въ значительной мѣрѣ писатель-деспотъ; увлекаемый стремленіемъ переселить себя цѣликомъ въ сознаніе, онъ до такой степени поглощается этой задачей, что нерѣдко соглашается аргументировать съ помощью положеній, на которыя напасть бы самъ съ большою энергіей, если бы встрѣтилъ ихъ на замѣтномъ мѣстѣ у другого писателя. Такъ, напримѣръ, онъ съ полной увѣренностью бросаетъ на-лету слѣдующій афоризмъ: «изуча-

ющій народъ „не долженъ ни на одну минуту забывать, что „въ законахъ самой природы лежитъ необходимость культурнаго развитія“. Г. Ивановъ—достаточно знающій и достаточно проницательный писатель, и никому другому не простилъ-бы увѣренія, что сама природа печется о парламентахъ, электрическихъ станціяхъ и всеобщемъ обученіи...

Эти предварительныя замѣчанія сдѣланы только для того, чтобы тѣмъ свободнѣе можно было коснуться цѣнныхъ соображеній, которыя предлагаетъ намъ г. Ивановъ въ статьѣ—«Поэзія и правда міровой любви», помѣщенной въ іюльской и августовской книжкахъ журнала «Миръ Божій». Статья эта посвящена анализу творчества В. Г. Короленко. Когда въ наши дни заходитъ рѣчь о представителяхъ русской изящной литературы, пришедшихъ на смѣну корифеямъ шестидесятихъ годовъ, мнѣнія обыкновенно раздѣляются: одни ставятъ во главѣ современнаго литературнаго движенія г. Короленко, другіе—г. Чехова. Нѣтъ сомнѣнія, что эти два писателя выделяются своимъ талантомъ изъ многочисленной арміи современныхъ беллетристовъ, но для автора этихъ строкъ столь-же несомнѣнно, что значеніе этихъ художниковъ въ глазахъ будущаго историка русской литературы будетъ совершенно различно. Можно провести любопытную аналогію между дѣятельностью названныхъ писателей и дѣятельностью двухъ крупнѣйшихъ представителей старшаго поколѣнія—Тургенева и Л. Н. Толстого: по своему художественному темпераменту и общему содержанию своего міровоззрѣнія г. Короленко приближается къ Тургеневу, а г. Чеховъ—къ Толстому, съ тою разницею, что г. Короленко въ пріемахъ письма не такъ зависитъ отъ своего прототипа, какъ г. Чеховъ. Какъ ни странно это можетъ прозвучать въ ушахъ читателя, но я позволю себѣ слѣдующее сужденіе: и Тургеневъ и г. Короленко—писатели по существу демократичные; тогда какъ Толстой и г. Чеховъ—представители литературнаго аристократизма. Какъ!—спроситъ читатель: Тургеневъ со своей вилой въ Баденъ-Баденѣ, со своимъ культомъ античной скульптуры и дѣвственной любви—демократичнѣе, чѣмъ ходящій въ полушубкѣ за плугомъ авторъ Платона Каратаева и мужиковъ въ «Плодахъ просвѣщенія»? Да, какъ это ни странно на первый взглядъ, но это такъ! Теоретикъ опрощенія въ самой

с. 23

своей проповеди остается знатным русским дворянином, проявляющим своеобразный консерватизм среди самых разрушительных мечтаний и построений. Он до сих пор знает интимную жизнь только двух классов — крупного дворянства и мужиков, как это и естественно у аристократа-землевладельца, никогда не толкавшегося на буржуазном рынке и не дышавшего дымом фабричных труб. От имени этих двух классов Л. Толстой только и говорит — устами ли какого-нибудь протестующего князя — Нехлюдова, Болконского или другого, — или же устами Каратаева. Как сильный наблюдатель, он уловил много вышних черт из жизни других классов, но черт исключительно отрицательных, о которых он к тому же говорит не с пылкой враждой, а с отрывком холодного пренебрежения, как о чужом и неприятном для него дѣлѣ. Г. Чеховъ специализировался именно на изображении среднего класса, но он усвоил себѣ и развить дальше отношение к нему знаменитого автора "Войны и Мира". История идет и даже уже прошла мимо этих симпатий и антипатий и построения на них мировоззрения, как бы ни былъ громаденъ талант его носителей.

Но аристократизмъ сказывается не только въ этомъ. Проповѣдникъ любви къ ближнему никогда еще не заставил насъ почувствовать ее въ томъ своихъ произведений. Субъективный до полного произвола въ теоретическихъ построенияхъ, онъ объективенъ, какъ естествоиспытатель, при изображении человѣческихъ радостей и страданій, рисуя ихъ со стороны съ несравненной точностью. Вопреки ходячему мнѣнію, это, конечно, — недостатокъ Толстого, какъ художника-психолога, потому что самое существенное въ душевномъ состояніи при такомъ отношеніи передано быть не можетъ, — но суть дѣла въ томъ, что эта доходящая до чопорности боязнь увлеченія и снисходительно-насмѣшливое отношеніе къ нему при изображении его у другихъ людей воспитаны аристократической средой и составляютъ неотъемлемую принадлежность аристократическаго мировоззрѣнія. Г. Чеховъ, какъ ученикъ, естественно, еще больше дорожитъ этой изысканной холодностью тона.

Тургеневъ и г. Короленко — настоящие плебеи по сравненію съ Толстымъ и г. Чеховымъ, и въ этомъ, на мой

взглядъ — не только залогъ ихъ большаго историческаго значенія, но и преимущество ихъ, какъ изобразителей жизни. Любовь Тургенева къ прекрасному вовсе не аристократична, какъ это кажется на поверхностный взглядъ: народная масса такъ же безкорыстно цѣнитъ красоту сообразно степени своего пониманія, и мнѣ кажется, что въ предложеніи народу правоучительныхъ литературныхъ похлебокъ сказывается больше пренебреженія къ нему, чѣмъ въ свободномъ восхищеніи красотой. Во всякомъ случаѣ, ни баденская вилла, ни энтузіазмъ по поводу пергамскихъ раскопокъ не помѣшали нашему великому писателю гораздо дальше уйти отъ аристократической исключительности, чѣмъ его знаменитому собрату по перу, и духовно сжиться съ той текучей и волнующейся общественной средой, которая таитъ въ себѣ сѣмена новаго развитія. Если Толстой въ "Аннѣ Карениной" обливаетъ холодомъ своего насмѣшливаго презрѣнія адвоката, ловящаго моль и думающаго о томъ, во что обойдется перебивка мебели, съ предразсудками же высшаго свѣта считаетъ нужнымъ серьезно бороться, то у Тургенева въ "Дымѣ" — честная плебейская гордость. Литвинова возмущается чваннымъ пустословіемъ и очевидной, но высокочерной ненужностью генеральскаго кружка. Прочтите въ томъ же "Дымѣ" поразительное описаніе великосвѣтскаго чаепитія въ заключительной главѣ романа и вы увидите, что для Тургенева та среда, въ которой такъ свободно враждуетъ Толстой, является чѣмъ-то вродѣ ничтожной, но неприятной плѣсени на жизненной поверхности; презираемый же Толстымъ разночинецъ для него — свой человѣкъ, горемъ и радостями котораго онъ привыкъ жить. Никто не скажетъ, конечно, чтобы авторъ "Записокъ охотника" не любилъ народа; но, будучи демократомъ, а не народникомъ, Тургеневъ не закрывалъ глазъ на темноту и неизбежную косность крестьянства, о консерватизмъ котораго онъ очень выразительно говорилъ въ письмѣ къ Герцену. Богатое любовью сердце Тургенева также демократично: несмотря на свой громадный, трезвый умъ и утонченное духовное развитіе, Тургеневъ считаетъ своего читателя равнымъ себѣ; онъ не боится показаться съ нимъ за панибрата и дѣлится съ нимъ своимъ волненіемъ, поддерживая спокойный объективизмъ разсказа лишь для того, чтобы не повредить выпуклости

"Волынъ", 1899, 28 августа, №100.

С. 2, 3 изображения.

Г. Короленко... но о демократизмъ г. Короленко, можетъ быть, не стали бы много спорить, если бы не мое сравненіе съ Тургеневымъ. Въ самомъ дѣлѣ, — у г. Короленко такъ много разсказовъ изъ народнаго быта! Прочитавшій все предыдущее, пойметъ, однако, что не о такихъ признакахъ демократизма здѣсь идетъ рѣчь. Но тутъ мы обратимся къ г. Иванову, въ статьѣ котораго есть много цѣннаго матеріала для разъясненія этого вопроса.

"Народъ можно понимать", — говоритъ г. Ивановъ, — "какъ массу совершенно обособленную, какъ цѣлую расу, не только отличную отъ другихъ сословій и классовъ, но нравственно, и исторически имъ противоположную. Этотъ взглядъ и является обыкновенно основой народническаго идеализма." Конечно, не одни народники смотрятъ такъ: того же въ ядра держались въ свое время и защитники крѣпостного права съ тѣмъ отличіемъ, что видѣли въ народѣ не высшую, а низшую расу. И тѣ и другіе одинаково не хотѣли знать исторіи, увлекающей народныя массы на общій съ другими классами путь культурнаго развитія; и тѣ и другіе почти одинаково далеки отъ демократизма, потому что демократъ по склонности или убѣжденіямъ, оставаясь культурнымъ человекомъ, чувствуетъ въ себѣ не одну "каплю крови, общую съ народомъ" и испытываетъ потребность приблизить народъ къ себѣ. Народникъ будетъ воснищаться мужикомъ, ставить его въ примѣръ, даже подражать ему, какъ идеальному образцу, но никогда не перестанетъ разсматривать его, какъ существо особой породы, которое можетъ жить, не погибая и не извращаясь, только въ особомъ, если можно такъ выразиться, общественномъ климатѣ. Демократъ, напротивъ, можетъ рѣзко порицать народную косность, скорбѣть и негодовать по поводу народнаго невѣжества, но онъ будетъ чувствовать свое внутреннее родство съ народомъ по той причинѣ, что всѣ мы — дѣти одной матери-природы, одинаково чувствуемъ горе и радость, и только бѣдность да незнаніе до поры до времени отдѣляютъ мужика отъ насъ. Г. Ивановъ очень вѣрно замѣчаетъ: "г. Короленко несомнѣнно принадлежитъ къ писателямъ, съ особенной любовью изучающимъ народъ психологически. Подробности внѣшняго быта являются передъ нами лишь по поводу нравствен-

ныхъ вопросовъ. Все вниманіе автора сосредоточено на душѣ и міросозерцаніи народной массы и отдѣльных личностей." Нужно прибавить, что это вниманіе — не простая любознательность сторонняго наблюдателя, совершенно равно — восхищеннаго или презирающаго, а любовное переживаніе внутренней жизни своихъ братьевъ-дѣтей. Объ отношеніи г. Короленко къ народу г. Ивановъ очень тонко замѣчаетъ, что его "можно бы назвать *честнымъ благоволеніемъ*, т.е. спонимымъ, чисто умиленнымъ чувствомъ любви, не во имя отвлеченныхъ породническихъ убѣжденій, вообще теоретическихъ принциповъ, а въ силу прирожденной всеобъемлющей сердечности передъ (?) всякимъ естественнымъ жизненнымъ процессомъ, да снова повторяемъ, не идеологическою императивою его природы." Другими словами, г. Короленко не восхищается рѣдкимъ звѣремъ — мужикомъ — подъ палки своей теоріи, а любитъ немъ человека. По этому поводу слѣдуетъ вспомнить замѣчательный разсказъ г. Короленко — "Безъ ямы", на которомъ останавливается такъ г. Ивановъ. Въ этомъ разсказѣ такъ глубоко затронутъ вопросъ о преемствѣ стараго культурнаго типа и новый. Два полудикихъ подольскихъ мужика попадаютъ въ Нью-Йоркъ — въ обстановку, гдѣ у нихъ нѣтъ, видимо, ни одного интереса, общаго съ интересами прежняго существованія, гдѣ рѣшительно все для нихъ чуждо и неожиданно, а между тѣмъ суровая необходимость гребетъ, и бы они усвоили себѣ это чуждое, неожиданное и презрѣли его въ своемъ родномъ и привычномъ. Съ рѣдкимъ тактомъ художника и мыслителя г. Короленко изображаетъ намъ въ лицахъ своихъ героев два совершенно различныхъ типа. Одинъ — полный, общественный, находчивый, энергично недолго оставаясь въ чуждомъ, катастрофой (для мужика) переселеніе — настоящая катастрофа — довольно быстро подучившись, англійскому языку, а затѣмъ и транваляется; но, конечно, и отъ среды онъ беретъ только то, что бралъ и отъ старой, т.е. то, что нужно для устройства личныхъ дѣлъ, такъ что новая цивилизація доставляетъ ему только больше комфорта, смыслъ же его собственной метафизы для него остается навсегда чуждымъ. Другой, Матвѣй Дыма — худощавый, медлительный, но глубокая, поэтическая, замкнутая въ себѣ; отъ среды

С. 2.

комъ глубоко пустилъ корни въ родной мужицкой средѣ, извлекая изъ нея все необходимое для полного удовлетворенія такой жаждущей, требовательной души, и потому для него перерожденіе въ новаго человѣка является долгимъ и страшнымъ недугомъ, доводящимъ его до края гибели, до положенія дикаго, затравленнаго звѣря. Страницы разсказа, посвященныя описанію бѣдствій и отчаянія Матвѣя—по-истинѣ грандіозны: трудно придумать что-нибудь трагичнѣе борьбы этого напваго, но богатаго сердца съ непонятными для него ударами судьбы. Въ концѣ концовъ, однако, и Матвѣй преображается и становится джентльменомъ; но если онъ устраняется не такъ ловко и быстро, какъ его землякъ, то зато, нашедши пристань, онъ дышетъ дѣйствительно полной грудью, онъ извлекаетъ изъ новой почвы такіа соприкосновенія, испытываетъ такую отраду, которая его товарищу и во снѣ не снилась. Г. Ивановъ находитъ, что нашъ писатель погрѣшилъ противъ художественной правды, допустивши Матвѣя благополучно рѣшить страшную задачу... такъ какъ, дескать, большинство такихъ Матвѣевъ погибаетъ. Съ этимъ трудно согласиться: художникъ волею избралъ тотъ или иной возможный исходъ (для сильнаго человѣка, какъ Матвѣй, счастливый исходъ вполне возможенъ), а съ точки зрѣнія широкой задачи, поставленной собою Г. Короленко, избранное имъ заключеніе особенно цѣнно, такъ какъ наглядно показываетъ намъ, каковы образцы и въ какихъ случаяхъ необходимый историческій процессъ перерожденія старыхъ культурныхъ типовъ въ новые совершается безъ утраты того добраго, что было въ старыхъ. Какъ-бы то ни было, заключеніе этого замѣчательнаго по глубинѣ и художественной прелести разсказа ясно говоритъ, что Г. Короленко, умѣя цѣнить хорошія черты отживающаго крестьянскаго быта, не гадитъ на этотъ бытъ, какъ на незамысловатую основу жизни и мирится съ его разложеніемъ, съ любовью наблюдая съ стороны новой культуры, которая даетъ возможность человѣку сохранить и развитіе свои нагородившія свойства, и скорѣе о печальныхъ ея сторонахъ. Для него, истиннаго демократа, мужикъ прежде всего—человѣкъ и только на второмъ планѣ стоятъ его мужицкія особенности, въ которыхъ нѣтъ ничего вѣчнаго и которыми разные мужи-

ки разнѣ пользуются. Мнѣ кажется, что такое отношеніе болѣе соединимо съ истинной любовью къ народу, нежели мистическія колынопреклоненія передъ нимъ.

Особенно замѣчательно свободное и трезвое отношеніе Г. Короленко къ народу потому, что въ складѣ мышленія нашего художника есть много родственнаго съ лучшими сторонами народной философіи, чувствуется кровная близость къ народу. Нельзя не указать вѣстѣ съ Г. Ивановымъ на юморъ Г. Короленко, у котораго онъ, по словамъ критика, играетъ въ высшей степени своеобразную роль. Мы уже знаемъ, какъ тонко и изящно творчество автора: ему по природѣ претитъ все слишкомъ рѣзкое и крикливое. Но это творчество въ тоже время искренно и правдиво, а въ человѣческой жизни—бездна горя, неправды и, слѣдовательно, отталкивающаго и безобразнаго. Какъ все это представить, не нарушая спокойнаго гармоническаго развитія художественной идеи? И вотъ здѣсь-то юморъ является на помощь. Это—настроеніе мудреца, исполненнаго жалости къ человѣческой слабости и бѣдѣ, улыбка, ободряющая несчастнаго на борьбу и сулящая ему лучшее будущее, и въ тоже время какая-то трогательная снисходительность къ человѣческому неразумію и часто безцѣльному жестокосердію. По вѣрному замѣчанію критика, Г. Короленко именно здѣсь особенно близокъ къ народной почвѣ творчества и обидныхъ воззрѣній... Дѣйствительно, народъ особенно мужественно умѣетъ встрѣчать неизбѣжное и, когда нѣтъ исхода (а темному человѣку онъ часто не виденъ), героически умиляется сквозь слезы въ лицо идущей на него бѣдѣ...

Г. Короленко—большой писатель. Едва-ли и Г. Ивановъ разсчитываетъ всесторонне охарактеризовать его творчество, а тѣмъ болѣе смѣшно претендовать на это въ предлагаемой статьѣ. Мнѣ показалось полезнымъ подчеркнуть и развитіе нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ интересныхъ соображеній Г. Иванова для того, чтобы читатели особенно отмѣтили ихъ при чтеніи его статьи.

Б. Н.—в.